

18+

ЕРОФИМ СЫСОЕВ

БОРОЗДА

Ерофим Сысоев Борозда. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937007

ISBN 9785005318480

Аннотация

После космического катаклизма в лесном краю жизнь постепенно налаживается, но медленно и довольно странно. Кажется, здесь действуют какие-то высшие силы...

Содержание

БОРОЗДА	5
1. У нас на Медведице	6
2. Степаныч	13
3. Улан-Удэ и Кирасир-Удэ	22
4. Трехпалый	29
5. Девочка Кама	32
6. Фляки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Борозда

Часть 1

Ерофим Сысоев

© Ерофим Сысоев, 2021

ISBN 978-5-0053-1848-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-1849-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БОРОЗДА

– Нет, друг, всякая власть есть царство, тот же синклит и монархия, я много передумал...

– А что же надо? – озадачился собеседник.

– Имущество надо унизить, – открыл Захар Павлович. – А людей оставить без призора...

А. Платонов, «Чевенгур»

Сизый туман днями стоит тут при полном безветрии над гнилыми, закисшими лужами. Только низкие серые тучи да оплавившаяся скальная порода отражаются в мертвой, дурной воде – не слышно ни зверя, ни птицы, лишь у самых краев гигантской борозды, продранной на теле земли гигантским орудием циклопов, снова робко пробивается зелень: сперва мхи, а дальше, повыше, уже редкие былинки, травка, затем, еще выше, кустарник, подлесок – пока наконец на гребнях с обеих сторон всё не делается привычным: ёлки, покосившиеся в сторону от склона, слабенькие осины и березки, как будто долго болевшие и едва пошедшие на поправку, колючий кустарник и даже цветочки – мелкие, робкие, тоже как будто болевшие.

1. У нас на Медведице

Я слышал, Медведица впадает в Белую... Или нет? Сейчас многое изменилось. Какие-то впадины... Только вчера еще были стояли сарайчики, мужики собирались под вечер, шумели, возились кто с чем, балакали о своём по маленькой – и вдруг нет ничего. Ни сараев, ни огорода, ни заборчиков. Впадина. Как будто изнутри кто-то вынул подпорку и земная поверхность плавно стекла книзу. А впадина неспеша затягивается бурой водой. Рыбы какие-то плещутся. Рыбы-то откуда вот так разом берутся?

Или эта девочка... А что? Такая ничего себе, обычная девочка лет восьми, волосы льняные, подстрижены... ну, как обычно подстригают, в скобку то есть. Платьишко ситцевое пестренькое – голубенькое с какой-то ерундой типа цветочков. Да, кроссовки еще. Вечно мокрые, потому что девочка всегда чешет напрямую, по траве. Тротуары, стало быть, не принимает. Да и какие теперь тротуары, когда впадин этих на нашей окраине уже с полсотни, только успевай обходи, а то свалишься и как раз сому какому-нибудь на зуб. Рвут штаны сомы как собаки!

А собаки – с тех пор как впадины начались – как раз таки поутихли. Не лают теперь, даже если злятся, а сядут так вот на задницу – ну, на хвост то есть, – поежатся жалобно и... даже не воют, а неприятно так принимаются на одной ноте

тянуть: «Ии-и-ии!». Противно делается.

Вообще жизнь изменилась. С продуктами нормально, а в целом как-то беспокойно.

Совсем рядом, за оврагом, у нас лужок. Это наш выгон, туда бабки всякую личную мелкую скотину отправляют утром выгуливаться и питаться. Лужок огорожен, раньше выгон тут был от племзавода, так еще и электричество на провода запущено с тех пор, чтоб скотина племенная не разбежалась. Видишь иной раз: суслик влезет на проволоку, что по первому ряду идет, и только было ухватится, глупый, за вторую нитку – тут током его каа-ак шандарахнет – любо-дорого смотреть... А что? Так они вдоль загородки кругом дохлые и валяются, а совы их по ночам подбирают.

За лужком – китайская база. Власти продали гектар земли китайцам, и те теперь там что-то бурят. Сперва про впадины, кстати, как они начали появляться, все на китайцев думали, ну типа что это они химичат, а потом раз их бусик с полным комплектом работяг ехал из поселка на ночную смену, да как жажнулся в темноте в канаву-впадину – ну и поминай как звали. Пока подняли спасателей, пока вытащили, им сомы уже и ляжки объели, вот так. Оперативно сомы во впадинах работают – видно, жратвы у них там недостает, так они, чуть что съестное свалится, так и рвут, так и рвут... И вот я сердечно прошу мне факт этот разъяснить – откуда сомы в ямах, если ямы растут на ровном сухом месте...

Короче, китайцев подозревать перестали после этой исто-

рии с утопшими работягами. А кого еще подозревать? Может, это вообще теперь какие-то природные законы.

Так эта девочка... Ну, девочка и девочка, платьице там, то-сё. Но что поразительно – ходит эта девочка везде с же-ребенком, некрупным таким, у него ноги еще заплетаются, да. И мало того что ходит, так она с ним и разговаривает как с живым, типа он всё её понимает, её речь. Нет, конёк этот, конечно, не разговаривает или там что еще, зубы не скалит, но морду всю дорогу держит строго к ней, вроде как слушает, что она ему там втирает. А она такая ходит везде через траву, кроссовки мокрые, и вкручивает ему, вкручивает, типа как замполит в армии на политзанятиях по поднятию боевого духа. И зовет его ласково – Лёша, это многие слышали. А может не Лёша, а Лоша, ну в смысле её «лошаденка» или что-то там еще выговаривать затруднительно и она для краткости называет его так запросто – мол, Лоша. Тут странного ничего нет – ребенок.

Ну и он, конечно, отзывается и идет следом, как привязанный. Что интересно – сколько бабок ни спрашивали – мол, чей конёк, ни одна не знает или не сознается. А у девчонкиных родителей живности сроду не было, кроме разве что кошки облезлой, так и ту они в дом не пускали, она у них под стрехой хоронилась, вместе с воробьями. Да и кто их видел, этих родителей? – они каким-то вахтовым методом на выезде деньгу рубят, появятся в два месяца раз, а утром смотришь: их поминай как звали, и опять девчонка с этим Лошей сво-

им с утра на выгон и целый день с ним таскается. Чем живет, что питается – наши все без понятия. Бабки порой нарочно ей яблочко протянут или какую-нибудь там баранку, а она такая – я, мол, поела, спасибо большое. И опять в траву со своим жеребцом.

Вечером для всех жителей комендантский час – летом с десяти, а зимой с полдевятого. Сидим по домам. А что? Кто попался – посылают на две недели на такие работы, что потом за полгода не очухаешься. Нормы огромные, мужики в шахтах вагонетки живой силой пихают, женщины каким-то генетическим птицам перья дергают до темноты в глазах – заречешься потом надолго вечером из дому-то выходить. Но зато кормят на штрафах хорошо, прямо на убой. Да только за день так наломаешься, что и кусок в горло не лезет. И возвращаются все оттуда поэтому бледные и подтянутые.

Мужики попадают часто. Мужику как же без его важных дел – то одно, то другое надо сладить, глядишь и припозднился. Или специально ночью полез на что-то запретное. Ну, тогда получи две недели комендантских и сколько положено за запретку, так можно в шахту к вагонеткам и на год, и на два загреметь. Ловят всех или почти всех. А кого не поймали – сроду не расскажет, что ночью где-то шарился. У каждого ведь своё. Я, к примеру, в сезон хожу на уток. На речке они непуганые, вот и плодятся там без меры и умысла, гомонят – что день, что вечер. Но днем нельзя.

Это тоже запретка, охрана среды, так что только ночью выходит, хоть и ползти до речки приходится чуть не версту. Подняться нельзя, пробовали уже: там охрана, чуть только комендантский колокол пробьет, пускает над травой какое-то поле, от него волосы на башке вылезают начисто. Охранники уже знают – раз лысый, значит вставал в траве. Даже не разговаривают – пожалуйста на полгода в шахту, и вся тут тебе беседа. Но это отдельная история.

Сползал я к речке за утками уже разов двадцать, а поймали только раз, это тоже особая история. Как свечерееет, кол в заборе отодвинешь – ну, чтоб калитка не скрипнула, – уляжешься на брюхо и – прешь по-пластунски. Туда ползти одно удовольствие – весь путь под уклон, иной раз оттолкнешься покрепче и на пузе так-таки метров пять и просвистишь, ежели трава конечно мокрая. Красота! Луна, звезды в небе, пахнет приятно, ночным...

Ну вот. Значит, в последний раз уток я этих с дюжину добыл и вижу, время еще вроде раннее, часа четыре ночи, звёздочки так и сияют. Дай, думаю, за речку надо сплавать, никогда еще за речкой не бывал, а уж скоро сорок лет как тут живу.

И вот дальше всё вроде как в тумане. Я как из воды в чем мать родила вылез, так на нее тотчас же и наткнулся. Девочка эта за речкой в траве обреталась, на том берегу. Взгляд у ней еще какой-то был странный, а может, мне это в потемках почудилось. Подошла тихо и коснулась меня рукой – за руку

как бы потрогала. А дальше уже совсем ничего не помню – как речку обратно переплывал, как одежду и мешок с утками искал, как обратно полз, – ну вот ничегошеньки. Да и то сказать, не впервой ползаю, уж и с закрытыми глазами от речки до дома небось бы допер.

Спал я после этой охоты двое суток. Сам бы не сообразил, да мужики надоумили – связь, говорят, послушай, там тебе объявят, которое нынче число, вторник у нас тут с утра или четверг. Та-а-ак, думаю. Хорошенькое дело...

И как раз из-за дома соседского девочка выныривает со своей конякой. Я к ней.

– Ну что, – говорю, – попалась? Ты что за речкой делала, такая и этакая?..

И тут она мне, конечно, ответила... спина, как вспомню, до сих пор холодеет:

– Я, – говорит, – поела. Спасибо большое.

Я глаза выпучил, потом говорю:

– У тебя, девочка, что, пластинку заело?

А она такая:

– Я поела. Спасибо большое...

Сама какая-то бледная, тощая, кажется, аж светится насквозь. И Лоша ее этот странно губами делает, щерится – или за руку тяпнуть прицеливается, или тоже что-то сказать хочет. Поглядел я на них обоих, развернулся – и пошел напрямиком к себе.

А Медведица теперь впадает в Белую – свояк нынче приехал из района: точно, говорит, впадает. По впадинам этим сомкнулись две наши речки. И девочка такая, говорит, есть теперь в каждом поселке – было, говорит, закрытое разъяснение. Девочки теперь вроде смотрящих везде поставлены, и вроде не девочки это даже, а неизвестно что. Вроде светятся они по ночам, как светляки, зелененьким. Да и жеребчики их тоже не вполне обычные – вроде как были уже случаи в этом убедиться. Я бабкам, конечно, что возле выгона рассиживаются, тут же тихонько шепнул, чтоб не лезли больше к нашей девочке с яблоками. Долго ли до беды?

А так милости просим к нам гостить на Медведицу. Рыбалка у нас на сомов стала просто отменная.

2. Степаныч

Просыпаюсь сегодня, умылся, позавтракал и занялся уток разделывать, а то я их после охоты тогда наскоро сунул в рассол, прямо с перьями – да и то не помню, как будто и не я это был.

Ну, значит, ощипываю я уток одну за другой, и всё мне как-то вроде не по себе, кухня какая-то как чужая, мебель громоздкая. И тут глянул в окошко... – вот так-так! Стоит у меня на участке конь, ну вылитый Лоша, только взрослый и ростом побольше. Я на крыльцо – он ко мне. И так вроде как шеей тянет, показывает: дескать, на выгон давай меня...

Ну, плюнул я, пошел вымыл руки от перьев, накинул что-то, и двинулись мы с конем к выгону. И тут меня как пробрало что-то – иду, руками размахиваю, рассказываю чего-то мерину, а что – и сам не пойму, как будто говорит за меня кто-то, а я и смысла-то понять не успеваю, что это я болтаю.

Идем с конем мимо лавочек со старухами нашими, они тут давно уже устроились, вроде как на бабий совет, управа им для этого и лавочек несколько врыла.

Проходим. Я руками размахиваю и говорю без умолку, и вдруг крайняя бабка, кряхтя, тянет ко мне руку с яблоком и говорит нараспев:

– Возьми, миленький, фрукту... Покушай на доброе здоровье...

А я отвечаю не своим голосом:

– Я поел. Спасибо большое, – точно как девочка эта наша неясного происхождения.

Бабки мне: ты что, мол, Степаныч, покушай яблочка-то...

А я всё своё талдычу, отказываюсь.

Степаныч – это я, собственной персоной. По отцу то есть мне надо бы быть Михалычем, Михайлой папашу моего звали, но уж больно мне брови папашины не нравились и ноги его кривые. А тут как раз ученые люди пробы свои закончили и смена породы стала доступна каждому: платишь себе за два месяца трудодней, наклеивают тебе на загривок особый пластырёк, «нано» называется, и порода от донора тебе постепенно как есть переходит. А донора, понятно, Степаном звали, фамилию теперь уж не помню, я его в управе по связи выбрал. Затем, не отходя, заявление про породу оформил, а через неделю посыльный пластырёк этот мне притащил. Месяца не прошло, как у меня кривые ноги стали выправляться и брови выпали. Я сперва с жалобой: дескать, пластырь у вас некачественный, как я теперь? А ну как плёнку прорвет и дождь мне в глаза, куда же я без бровей? Ну, они успокоили: это, мол, говорят, нормальное явление, наладится то есть – через неделю, говорят, новые брови примутся расти, от донора. И точно. Так и стал я Степанычем, а папаша тем временем ночью утоп во впадине – лет семь тому это было. Они тогда только еще первые начинались, далеко, за Белой, папаша там деньгу зашибал на выезде, трудодни то

есть. Снову-то всем еще интересно было – что, мол, за впадины такие, откуда рыба в них сразу? – ну и лезли не зная брода в исследовательских целях, чтобы, значит, самим разведать, нет ли тут чего полезного, и соседям про доблести свои конечно же рассказать. Вот и утоп папаша, а моя сме-на породы тогда еще начиналась только, так что всё это вышло не в обиду ему, родителю, да и мне не в укор. А чем он за ноги виноват? – ему они тоже от родителя достались, деда моего то есть. В общем, теперь с кривоногостью у нас навсегда покончено, слава Земле!

Коня я довел до выгона, прицепил его там веревочкой и двинулся неспеша обратно. Иду мимо женсовета с бабками – молчат, как будто не узнают, и яблок больше не предлагают. «Так, – думаю, – значит, морок этот не навсегда, а только при некоторых обстоятельствах. Это уже хорошо...». Домой пришел и снова за уток принялся.

По пятницам у нас пасмурно – защитную пленку на небе включают наполовину, запасаются на выходные энергией. И тут же что-то начинается наверху с облаками. Они как будто бесятся: собираются в тучи, начинают стрелять молниями, всё грохочет... Нам это тут внизу конечно без разницы, дырки от молний на пленке скоро затягиваются, так что, если дыра близко, детишки сломя голову несутся туда, чтоб поиграть себе, значит, под дождиком. Несмышленные еще, одно слово «детки», – а взрослые конечно стесняются, да и было разъяснение, чтобы под дождь без нужды не лезть и в нераз-

берихе стихий не участвовать, а то разговор у нас короткий, известное дело: две недели шахты – и весь тебе сказ.

Ну вот. Пасмурно, значит, не видно в кухне ни рожна, а мне уток щипать – шесть штук еще осталось. Я даже свет включил было, а самого жаба душит: что же это, думаю, крутишь-крутишь динаму эту треклятую, а потом свет жжешь из-за общественной пятницы. Так у меня еще к концу месяца трудодней неостанет. А! – думаю, – была не была! Авось никто не явится из лишних глаз. Вытащил атом из шкафчика, поставил жучка, и стало у меня в кухоньке как светлым днем.

Топим мы с незапамятных времен атомом. Те, кто пошустрее, уже и печи у себя в домах развалили, чтобы место расчистить. А что? Чемоданчик с атомом небольшой, ставится к стенке на особых ножках и жарит так, что мама не горюй. И патроны с топливом стоят недорого. Может, китайцы эти в своей скважине топливо атомное и добывают и тут же нам его по дешевке продают – кто их, китайцев, знает: глазки узкие, кланяются все, бормочут по-своему: «Кусий-кусий сладка», умора на них. Всё про кушанье какое-то думают, одно у них на уме...

На работу теперь почти что никто не ходит, не стало работы. Зато народ на дому крутит динаму, вырабатывает электричество. А что? Полезное дело, и руки у всех стали как крюки: крутишь динаму эту час-два подряд, чтобы норму выполнить, – конечно руки окрепнут. Теперь мужики, если

вдруг в ссоре сцепятся, в морду друг другу уже не целят, а мнут один другого лапищами что твои медведи, любо-дорого глядеть. Крепчает народ от перемен.

А которые ленивые – кровь сдают или еще там что: ногти, волосы. Или кожу скребут. Химикам да медикам всё сгодится. Сдал ногти – вот тебе норма за два дня засчитана. А за волосы порой и три дня списывают, у кого волос добрый и быстро растет. Особенно старикашки на этом жируют – в седом волосе, значит, субстанции имеются особо ценные, за них старикашкам половинная надбавка. У меня уже тоже седина клоками пробивается, так что динаме скоро скажем законное «прощай». А те, кто в траве вставал, под полем-то этим опасным, ну, лысые которые – вот уж они на сдатчиков-то волос злобятся! А как же? – завидно натурально, когда себе две недели лежишь на боку, в связь уставившись, а потом сдал седых волос пук – и вот тебе пять дней трудодней как с куста. Позавидуешь!

Так и поживает народ. Ну а если совсем ленив, если динаму недокрутил или волосы не сдал – пожалуйста в конце месяца в шахту на недельку, там из тебя норму живо вытрясут, выйдешь на волю стройный и подтянутый.

Конечно, порой попадают еще кой-где люди рыхлые и расслабленные, но таких слабых ставят на трудотерапию и они быстро поправляются. Так что и думать тут нечего: все перемены – к лучшему.

Кто хочет, того прививают кабаргой, чтоб сдавать по-

том мускус. Выходит выгоднее, чем крутить динаму, но зато и хлопотнее – клыки растут от прививки, да и мускус мало где принимают, набегаясь с этим мускусом, если забредешь или заедешь куда подальше, и клыки приходится часто подпиливать – растут они быстро, и если полгода не трогать, то как раз будешь с клыками как реальная кабарга: некрасиво и в быту не слишком удобно.

Некоторые из ленивых подсаживаются на синий хлеб, от него сок желудочный очень ценный – так что выходит, пожалуй, даже повыгоднее мускуса. Хлеб занесли когда-то инопланетные – «марсиане», как их по глупости называли, это еще при дедах наших. Ерунда, конечно: ребенку известно, что на Марсе ничего такого нету, кроме каких-то мутированных тритонов, которым по жизни три миллиона лет и никто до сих пор так и не знает, куда бы их можно было с пользой употребить. А хлеб этот что-то плохо растет, ну то есть не везде прижился: видно, что межпланетный. У нас тут, к примеру, ни с кабаргой, ни с хлебом синим номер не проходит – поселок наш передовой, подвижный; дедовские приемчики не приветствуются. Наши все попросту крутят динаму, поскольку энергия эта универсальная, из нее ученые в центре что хочешь сделают. Ну... или скот еще мелкий выращивают, кроликов, коз, или за яблонями ухаживают. Но это больше для своего удовольствия: яблочной мякоти в коробках везде и так полно, хоть залейся, ее давно уже производят из электричества. Вообще жизнь наступила, если подумать

честно, прямо-таки замечательная, поскольку неряху-природе мы, можно сказать, почти полностью победили. Теперь каждый знает, что живет на свете не зря – из энергии, что динамой накрутил, выходит тебе чистое, как это говорится, довольство и благополучие.

Женщины, которые одинокие, часто берут себе клонов. Простое дело: привозят тебе контейнер наподобие сундука, а там клоны эти плодятся и размножаются. Как подросли – бабы их щиплют, и потом в холодильник. За контейнер щипаных клонов сразу недельную норму списывают. Некоторые, кто похитрее, те сразу четыре контейнера заказывают – из-за этого и печи в домах стали ломать, чтобы места было побольше. А с четырьмя-то сундуками ты за весь месяц одним махом и рассчитываешься, потом три недели свободен: или связь смотри или поедь куда-нибудь, куда глаза глядят.

Но эта лавочка, говорят, скоро кончится. Уже видели, говорят, некоторые клонов беспёрых, так что придется скоро нашим женщинам снова динаму крутить. Да оно, если честно, то и сильно полезнее, чем с бессмысленной живностью пачкаться.

У кого сил в избытке и характер скверный – те прямиком идут добровольцами в шахту, это у нас всегда пожалуйста. Там день за два идет, кормят хорошо и всегда подрались компания найдется – они после смены там только и дерутся, даже связь не включают. Охрана конечно следит, чтобы дрались без увечий, а так – всем, как это называется, профит:

и разрядка тебе для характера, и мышцы всегда в тонусе.

А лечат-то как теперь хорошо! Бывает, на штрафах передет мужику ногу вагонеткой, его тут же в больничку, ногу мятую быстренько отрезают, а обрезок обкалывают кругом клоновым препаратом – и в мешок. Лежи себе две недели, смотри связь. В мешке раствор их химический плещется и нога день ото дня растёт. За две недели, считай, уже полноги снова отрастает, так что месяц, конечно, за эту прелесть приходится отдать, да потом еще норму отбиваешь, ежели по собственной халатности под вагонетку полез, ноги-руки лишился. Но нам это в общем-то пустяки. Некоторые специально уродуются, чтобы новую конечность вырастить – ну, у кого там кожа плохая, или прыщи, или волосы растут как подорванные. А новая часть вырастает как с иголки, это на первых то есть порах. Потом, конечно, снова кожа портится и волосы начинают переть – ну... тогда можно породу поменять, если уж очень, к примеру, желательно.

Связь у нас никто почти не смотрит – разве что совсем тупые да отмороженные. Народ повсеместно занят делом: кто жуков-пауков ловит, кто травки полезные разыскивает, ежели лето конечно. За всё за это списываются трудодни, норма то есть. Лето потрудился, и пожалуйста: зимой поехал в теплые края, раз трудодней у тебя накопилось. До юга доехать – два трудодня, это в оба конца. Ну а там тоже динами в каждом углу: покрутил динаму – вот тебе еда, питайся. Накрутил еще – за жильё заплатил, за услуги разные. Некоторые

так и живут на юге, до самого лета. Я вспоминаю, ну, пацаном когда еще, на юг поехать было целое дело, родители весь год копили-откладывали. А сейчас – езда не хочу, прямо запросто. Это конечно прогресс, тут нечего и раздумывать.

Ну вот... уток дощипал. Теперь жучка долой, от лишних глаз, атом в шкафчик – и можно на выгон идти, коняку проведывать. И зачем мне этот конь? На кой он мне сдался?

3. Улан-Удэ и Кирасир-Удэ

Всего поселков у нас в округе четыре, точнее три, не считая китайцев. Места здесь всё исторические, ну и названия поселков соответствующие, из старых времен: Улан-Удэ, Гусар-Удэ и Кирасир-Удэ – всё со французского нашествия, прости господи.

Китайский поселок сперва называли запросто Китай-Удэ, но выходцы из Подлунной возмутились: дескать, у вас, мол, местных, мысли всегда об одном и том же, еще, мол, с диких времен, у вас, дескать, и снасть на сомов называется неприлично, но к нам, китайцам, это, мол, отношения не имеет и мы будем жаловаться куда надо, если будут хулить в нашем лице Империю поганым словом.

Никто из местных ничего не понял, но вскоре по связи пришло разъяснение: исторические названия оставить как есть и к китайцам не лезть. А кто полезет... ну, как всегда у нас: пожалуйте в шахту. И «удэ» – это якобы совсем другое, а не то что все мы тут думаем.

Кстати, и с девочками у китайцев отношения особые – вот что значит пришлый народ! Уже многие видели, что бусик с китайцами, ежели девочка им попадетса и вздумает на обочине стоять, когда они, то есть китайцы, на смену свою едут, так бусик этот как вкопанный останавливается и с места уже не трогается, пока девочка, значит, дорогу не соизволит пе-

рейти. Так и стоят: все прищурились по-китайски, и не поймешь, то ли боятся девочку, то ли уважают. Сам я не видел, да и что тут толку видеть – ничего такого в этом я не вижу интересного, просто неприятно такое странное отношение... в общем, не дело это, по-моему.

Удивляюсь я вообще-то китайцам: ну что за настырный народ! Бурят и бурят. А в земле у нас только балки бетонные из каменного века и драные шины от техники, которую теперь и в музее не сыщешь. Ну, доски еще какие-нибудь трухлявые с короедами замаринованными. И чего ищут? Почему нельзя им спокойно жить? – крутили бы себе динаму и не рыпались. Так нет... Вот что значит страна дракона! – всю Сибирь уже, говорят, пробурили и никак угомониться не могут, желтая раса...

Больше жилья поблизости нету, мы тут как бы в котловине, по кругу холмы и распадки, и дальше склонов мы на них не лазим, да и не положено это. Кто-то сболтнул когда-то, что Улан-Удэ, дескать, еще где-то есть такой, в другом месте, – но это нам не в новость: зеркальная география называется, это у нас за правило, так теперь процессы происходят, что везде всё как бы двоится. Такие законы природы. А так всё нужное для жизни у нас есть: на склонах полно синики и зеленики – вкусная ягода, сытная, – а другое всё нам привозят, если, конечно, динаму достаточно накрутили. Тут уж действует коллективная, как это говорится, ответственность

и сознательность. Синикой хорошо утку мариновать, это деды еще наши подметили.

Некоторые ходят тут по дикий горох, но это редко, в охотку, типа как я за утками. Другка моего одного на шахту недавно закатали на два срока – случай редкий, такое только за злостные нарушения полагается. А он горох этот тайком у себя за избушкой надумал выращивать! Это при том что горох сеять уж лет тридцать как запретили: дескать наркотик, привыкание вызывает, мутации и общее ослабление органов. Поля все тогда разрыли, а посадки перед тем пожгли, чтоб ни семян тебе, ничего. Даже песню для детишек – и ту запретили, ну, что «баба сеяла горох». Разрешается петь теперь только с третьей строчки – «обвалился потолок»... и так далее. Ну и правильно, я считаю. Для нашей же пользы. Во-первых, управе виднее, а потом – ну куда же с больными органами! Наши сами порою не знают, чего хотят. А дружку всё теперь – последнее предупреждение: если на шахте проштрафится, не станет у меня другка. Злостных у нас распыляют, чтобы не расходовали ресурсы. Не то чтобы там шум, или назидательные речи – нет, просто в сводке за месяц: такой-то, дескать, распылен за разбазаривание ресурсов, и дата стоит. Все и так знают про ресурсы – кому же охота динаму крутить, если другой фордыбачит? Тут у народа полное одобрение к порядкам.

Сегодня что-то недомогаю, пойдем сейчас с конем в упра-

ву, да и на выгон его как раз отведу. Шумит он мне тут под окнами, всё всхрапывает, всё топчется, покою не стало совсем с этим животным. Слава Земле, хоть лечиться нынче стало здорово, не то что деды рассказывают, раньше, мол, доктор тебя трубочкой слушал и потом в книжку что-то записывал, херню какую-то. Так еще и в очередь к нему надо было полдня стоять. А сейчас пришел в управу, там автомат на стенке приделан: сунул туда палец – тебе раз! – укольчик. Значит типа кровь взяли на пробу. А через три минуты выскакивает из окошка бутылочка малая: твой, так сказать, персональный декохт. Пришел себе домой, бутылочку выпил и ложись скорей в койку спать. Как проснешься, так и выздоровел от персонального лекарства. Замечательно стало! Некоторые, конечно, бывает не просыпаются, но это значит, что организм изношен и всё равно лечить толку никакого, так что на следующий день приезжает транспорт из управы и отвозит тело куда надо. Единственный транспорт у нас, кстати, на все четыре поселка, это не считая китайского бусика. Всё на электричестве, страсть как удобно: кончился у тебя заряд – тут же динама тебе в задней дверце имеется. Покрутил ее – и поезжай снова куда вздумается. Или они еще патрон какой-то в нее вставляют, чтобы динаму не крутить. Видно, тоже атомный, типа как у нас дома в печках вставляются. Тоже удобно, ничего не скажешь.

Ну вот, собрался я, значит, намотал на кулак конячий по-

вод, и двинулись мы с конем в сторону управы.

Везде у нас, надо сказать, красота и порядок. Пленка в выходные совсем прозрачная, солнце проходит насквозь, небо видно, птички летают-носятся – хорошо в выходные прогуляться! Ямы начальство теперь тут же по возникновении приказывает огораживать. Так и говорит староста: дескать, возьмите жердей, ивняка разного наломайте без варварства, жерди вокруг ямы натыкайте и прутом-то их и переплетите, чтобы скотина, дескать, в ямы не падала сомам на радость. И не поймешь его – то ли всерьез говорит, то ли шутит. И кто тут у нас важнее – скотина наша личная, никому кроме хозяина не нужная, или сомы эти, неизвестно откуда взявшиеся.

В управе быстренько сдали кровь, получили бутылочку с лекарством и идем себе по солнышку к выгону.

Вдруг вижу: стоит жеребчик у огородки. Стоит, значит, а за забор электрический завести его типа и некому. Чудеса да и только! Ну, наше дело сторона, я лично лошадей вообще побаиваюсь, даже таких недомерков. То ли дело утки!

Завел своего коня за забор, а жеребчик сам по себе в ворота просочился. Ну и побрел я домой, лечиться значит.

Наутро проснулся – куда и делось мое недомогание вчерашнее, как и не было его. Вот как действует наука!

Помылся, почистился, закусил неспеша утятинной и двинулся к выгону.

И тут смотрю – ба, идет с Лошей какая-то новая девочка. Платице желтенькое, и на нем вроде как пчелки такие прорисованы темненькие. И масть у девчонки другая – волосы темные, каштановые, и все как бы кудряшками. На ногах, понятное дело, кроссовки, тоже как у той, старой девочки, все мокрые. Вот она идет, руками размахивает, болтает что-то без умолку, а жеребчик этот морду вытянул, трусит за ней на своих ножках-жердочках и вроде как превнимательно ее слушает, что она там ему грузит.

Понятно, наши на лавочках всю уже спорят и судачат – что, мол, это за жеребчики у нас завелись разумные, вроде как нам ям и сомов не хватало. И зачем, дескать, им девочек таких в компанию подсылают, и куда, мол, старые деваются, и что теперь вообще будет. Бабы всегда найдут чего обсудить-придумать!

А я так думаю, пустое это всё – продуктов в лабазе навалом, китайцы у себя на объекте по-прежнему роют в три смены... Что будет? Ничего не будет.

Женщин вообще-то бабами называть запрещается, за это... ну, сами знаете что. Вообще секс и всё такое подобное у нас давно уже отменено и изжито, еще в прошлом, так сказать, поколении. Так что женщины эти только по виду женщины, а на деле такие же граждане, как и все. На них и норма, кстати, такая же, на динаму – крути да помалкивай, вот тебе и равенство полов, как это ранее называли.

Иду это я себе, весь с утра квёлый и пасмурный, и тут бежит от управы знакомый наш общий, местный житель. Лохматый такой, как стог сена у него на голове, – тоже, как и я, породу менял, чтобы волос, значит, росло побольше, – бежит вприпрыжку и кричит что-то, руками машет, но из-за удаленности ничего полезного не слышно, не разобрать.

Ну, наконец, добежал он до нас, отдышался и рассказывает: мол, вышел указ, лошади теперь в Красной книге, девочки им приставлены для ухода, так что ходить всем как раньше, жеребят и девчонок не задевать, яблоками и прочей дрянью не кормить и разговоры с ними не разговаривать. Кого поймают – ну, как всегда, в шахту, а кого повторно – на полгода. Вот и весь сказ.

А нам что, мы люди смирные. Сказано не задевать, мы и не задеваем. Я про себя вот только не понимаю: что мне с моим-то конем делать?

А Лоша теперь с новенькой девочкой, значит, с каштановой. Скучает, поди, по нашей-то. Хорошая была девчонка... «Спасибо, – говорит, – я уже поела». И как оно будет с новой-то? Эх, как меняется всё! Как меняется...

4. Трехпалый

Пятипалых мы в общем-то недолюбываем: пальцы у них все разные, и толщиной и размером, и какие-то бессмысленные – крайние по бокам, которые у ладони кзади, вообще слабенькие, бесполезные... да и лишнее это всё, пять пальцев-то, пустая игра природы. Вон хоть на птиц своих посмотрели бы: три когтя спереди и один сзади, удобно и экономно. И по деревьям они ими лазают, и на проволоке сидят, не падают. Посади пятипалого на проволоку – ну что с ним будет? Свалится как есть тотчас же. Ненужная вещь – лишние пальцы!

А вот у нас как раз всё как у местных птиц, в генах уже наших заложено, – один толстый и три напротив потоньше, все с роговыми когтями, и все заново отрастают, если один или два вдруг где-нибудь себе оторвешь. Зато уж такой клешней как ухватишь кого за загорбок, так он тут тебе и стекает от робости и смущения, поскольку известно: из нашей клешни пятипалому ни в жизнь не вырваться. В ногах у нас и вообще скелет металлический, это многие видели, кому случилось сильно пораниться – в шахте там, или еще где-то.

И мы, в отличие от пятипалых, не стареем – не изменяемся то есть. Конечно, износ какой-то имеет место, не без этого, но изношенных по мере износа забирают, а взамен присылают свежих.

Откуда мы и кто мы – про это у нас буквально ходят легенды. Одни говорят, что нас из пробирок выводят, но это конечно вранье, поскольку нашей породы подростка или ребенка никто вообще никогда не видел. Я же говорю: мы не стареем и не меняемся, только вот пальцы новые отрастают, да и то не сразу, не сию минуту.

Другие говорят, что мы инопланетные, что нас откуда-то завозят сюда готовыми.

Ну что же, это очень даже может быть. Правды ведь всё равно не доищешься, а если мы, случается, собираемся группой где-то по роду службы и в свободную минутку заходит пустой трёп про то, мол, кто ты и зачем, то очень скоро в мозгу, как выражаются пятипалые, становится как бы шумно, как будто помехи какие-то возникают. Это для нас знак, что тема беседы выбрана неверно и пора кончать лоботрясничать, надо заняться делом – то есть следить за пятипалыми: где нужно – помочь и укрепить, а главное – не давать им друг друга увечить, поскольку драка у пятипалых как спорт, да и увечатся некоторые с умыслом, только успевай уследить.

За послабления и халатность нас наказывают импульсами – всё время свободное, пока пятипалые спят, не работают, в голове, если провинился, сперва с регулярностью шелкает, типа предупреждение, а потом и вообще как будто бы кран срывает: в глазах темно, ничего не слышишь и больно внутри до неприятности. Как всю ночь вот так подергает, так уже знаешь, что Хозяева недовольны, и наутро гоняешь пя-

типальных как положено.

Мы заняты в основном на шахте, ну и, бывает, на выезде – когда стихийные бедствия или беспорядки, когда пятипалые могут пропасть или пораниться. Да, еще в запретках наша порода тоже работает. Но там столько техники, что в общем и без нас всё налажено, разве что только местных оттаскивать, которых уже убило полем или другим дистанционным влиянием. А ведь написано, что в запретке им делать нечего! И разъяснения им про это читаются регулярно. Но мужикам местным, похоже, всё буквально по барабану. И вот вроде они без пола давно уже, как и мы, ну чего бы, казалось, хорохориться? А разница в поведении всё-таки есть: женщины, к примеру, на штрафах почти не дерутся, одни мужики безобразят. А уж в запретки женщин силком не затащишь. Хранительницы очага, одним словом, – так у них это называется.

Ну... всё на сегодня... Кому эти записи назначаются – вообще непонятно. Так, для истории. Мало ли что через сто лет с нами будет? Может, всё изменится и нас уже никого не будет, всех обратно отправят, на переплавку или еще за чем. Кого спросить? А так кто-нибудь мои каракули прочитает и удивится – вона, скажет, как у них тут всё было устроено!

Ладно, пойду заряжаться, время позднее. Мы без зарядки больше трех суток не можем. Потом всё – кранты. И голова еще долго дурная, если забудешь зарядиться и вырубисься. Да и наказывают за это, то есть если не уследишь.

5. Девочка Кама

Сегодня только проснулся – тут связь загудела: дескать, пожалуйста в управу, гражданин Степаныч, дельце до вас имеется. Ну, я «прием» нажал, типа да, услышал, мол, иду, – и стал одеваться. Исподнее у нас всё называют «найком», это еще с прежних времен. Кроссовки некоторые тоже зовут «найк», так что порой возникает путаница и веселые шутки. Верхняя одежда тоже вся одним словом – «вольфскин», почему – непонятно. Так управа и объявляет, когда вызывает народ массово на разъяснения или другие мероприятия: дескать, «форма одежды вольфскин» или «одеться по форме найк» – это значит что едем куда-то транспортом и одежду рабочую выдадут. Удобно, что тут говорить, да и путаницы никакой. А то раньше для каждой тряпочки свое название имелось, была большая путаница. Ее еще при родителе моем отменили, а кто сейчас с ненужными деталями лезет, ну, типа «где, мол, моя клетчатая рубашка?» или еще что-то, – тому сперва персональное разъяснение в управе, а на второй раз как всегда, ну то есть что обычно, в шахту...

Я вольфскин натянул... и что-то как почувствовал... сунул руку в щель, где у меня листочки мои хранятся – думаю, приберу-ка туда последний, что вчера вечером записывал. Ну вот... руку сунул – а там пусто.

Та-а-ак, думаю себе. Это уже становится интересно. Спер-

ва конь мне свалился на голову, теперь, значит, по тайникам моим кто-то шарит... так они и уток моих маринованных обнаружат.

Ну, плюнул сердито, на крылечко вышел – конь морду свою тянет: веди, мол, меня на выгон, траву желаю щипать. «Щас тебе травы, дожидайся», – думаю. Пнул коня рукой по морде и двинулся в управу, уже чувствуя недоброе.

Пришел, вхожу. «Вызывали?» – спрашиваю во весь голос, как будто вызова по связи не слышал. Думал, старосту собью сразу с толку, чтоб не перехватил инициативу и не дознался про уток.

Ан нет, в первой комнате пусто. Ну, думаю, сейчас важности на себя напустит староста-то, уселся, думаю, у себя в кабинете, чтобы построжее выглядело. Знаем мы эти штуки.

Открываю дверь в кабинет – и чуть не обомлел. Сидит вместо старосты за столом наша девочка старая в старостинском кресле – сидит важно так, да только ее из-за стола едва как бы видно. Что тут возьмешь? – ребенок.

– Присаживайтесь, – говорит мне девочка, – гражданин Степаныч. – И строго так на меня взглядывает.

Ну-ну, думаю, а ты не только про еду, оказывается, можешь – типа «спасибо, яблок не надо», ты и по-умному умеешь разговаривать...

– Благодарствуйте, – отвечаю. И усаживаюсь напротив. – Только позвольте мне сразу вопросик...

– Спрашивайте. – А сама ну такой важности напустила –

откуда что берется!

– Как же мне вас, – спрашиваю, – следует, к примеру, называть? Какое такое будет у вас имя-прозвище?

– Кама... – отвечает девочка, не задумываясь.

– Кама, – говорю, – такая речка есть к востоку от наших окраин. В Волгу впадает вроде бы...

Блеснул географией – типа знай, мол, наших.

– А я и есть речка, – отвечает девочка, опять-таки не задумываясь. – Это меня временно сюда перевели.

Ну, думаю, да – тебя на мякине не объедешь, девочка Кама.

– А зачем же, – спрашиваю, – коня тогда этого мне подкинули, которого не было? Зачем мне это сельское хозяйство?

– Вот для этого мы вас сюда и пригласили... – И начинает тыкать пальцем по панели связи.

– Вот вы человек бывалый, с опытом, – продолжает она, а сама как бы занята связью.

Давай-давай, думаю, выпытывай – все равно про уток ничего не навыпытаешь...

И тут... как будто холодным потом меня прошибло: ба, думаю, да она ведь за речкой меня видела, какие уж тут утки! Чудо, что я до сих пор не в шахте, если девочки эти и вправду смотрящие, как наши бабы про них шепчутся. Тут не до уток...

– Вы в тайник свой с записями, гражданин Степаныч, давно заглядывали? – спрашивает тем временем девочка, а у ме-

ня уже пот холодный по спине струйкой.

– Не знаю... – делаю я лицо поглупее, ну вроде как я не понял вопроса.

– А в Книге Великой ведь как сказано...

– Как? – переспрашиваю я, а лицо делаю дурак дураком, даже кожу на скулах сводит.

– Там ведь не только что зеленика полезная, а черника с красникой нет, там и про уток, и еще много про что написано...

– Про что же?... – спрашиваю я слабым голосом. – Я и в руках-то Книгу никогда не держал...

– А вот про что... – отвечает девочка – и даже привстала слегка из кресла. – «Не записывай мыслей своих, ибо писчее слово...». Ну?! Так или нет, гражданин Степаныч? Разве писчее слово для мыслей назначено? Разве это ваше предназначение – мысли записывать?

Очнулся я уже дома. Как сюда добрался – ни сном ни духом. Опять заморочила девочка Кама, околдовала.

Высунулся в окно – и конь тут же морду свою навстречу мне тычет.

Та-ак, думаю. Проверю-ка я первым делом уток моих запрятанных. Натянул найк, накинул что-то поверх для приличия и только было сунулся в погреб пробраться – вижу: стоит у меня на моем столике ящик простой металлический. С книжку большую размером, ну то есть плоский такой, –

стоит и серебристым светом отсвечивает. И тут связь включилась.

6. Фляки

Говорили там что-то, говорили, а потом вдруг экстренное сообщение: сомов, мол, больше не ловить, а то иначе месяца шахты. Что якобы ученые разузнали: эти сомы – существа разумные и иероглифов знают побольше иного китайца, так что их теперь, мол, не трогать, пока не возникнет ясность, а впадины все накрепко огородить. Ну, нам-то чего? У нас и так они все почти уже загорожены – кому охота впотемках в воду свалиться сому на ужин? А китайцы, видно, про разум сомов еще раньше невесть откуда прослышали, я давно заметил, что они впадины эти теперь особым китайским крюком стороною обходят – видно, конкуренции от сомов опасаются. Еще бы, раньше они тут по иероглифам спецы были непревзойденные, а теперь, значит, сомы им таки нос утерли, желтой активной расе.

У меня, как я новость услышал, прям даже в желудке заныло – сколько мы сомов этих на первых порах, когда только впадины появляться стали, выловили и съели! И клевали они, несмотря на свой разум, на обычную консервную банку: привяжешь жестянку на тонкий стальной тросик, швырнешь подальше во впадину, и готово – чуть только минуточку подожди и, глядишь, вода уже забурлила, а тросик у тебя из рук прямо как трактором рвать начинается... Уж мы их и жарили, и с зеленикой мариновали – а тут посмотри-ка: иероглифы

они, видишь ли, знают! Такое разумное животное и есть-то неаппетитно...

И вот надо же, совпало: как про сомов объявили, так тут же пошли фляки. Их днем-то не очень видно, они от света хоронятся, но я их и так чувствую, телом то есть. У нас и многие тут так: двух слов, бывает, связать не может житель – а телом чувствует – хоть тебе фляков, хоть, к примеру, где зеленика обильно растет, а некоторые даже китайцев чувствуют: вот идет такой, бывает, вроде как ни в чем не бывало, и вдруг встанет на месте и начинает почесываться да поёживаться. Это значит китайцы на бусике к себе на смену поехали. Ну или еще всякое люди чувствуют, а про жеребят и девочек я уж молчу – это у нас каждый второй поёживается теперь, если они рядом. В общем, смотреть порой на нас грустно, как мы чешемся – кто на девочек, кто на зеленику.

Ночью, когда фляки идут-мигрируют, порою бывает даже тревожно. С закваской что-то у них на скотобаза время от времени происходит, какие-то мутации: коровьи рубцы, желудки то есть, вроде как типа оживают, сбиваются в колонны и начинают мигрировать. Как один тут у нас говорил, помню: «Кругом такая скотобаза, что некуда сесть». И что имел в виду? А ведь не спросишь теперь его – распылили в прошлом году.

Флякам, если идешь куда-то, на пути даже не попадайся: прут как танки, всего тебя слизью перемажут и ноги отдают. А если, не приведи что, споткнешься, так прямо по тебе вся

колонна и протопает – хотя какой тут топот: идут тихо, переваливаются себе с боку на бок, и никто не знает ни куда идут, ни зачем. Инстинкт у них, очевидно. Ведь вот сподобило до какого времени дожить – мало нам сомов в ямах, так теперь еще желудки коровьи по ночам сами собой разгуливают, как раньше жабы и ежи: все вдруг разом подхватятся – и марш-марш, двинулись...

Мужики наши, кто в запретки ходит и вообще ночами шапается, все про фляков конечно знают. А домашний народ их побаивается – сидят, бывает, бабы у выгона и кудахчут: дескать ой, фляки опять мигрируют... Ну твое ли это дело, домашняя ты женщина, в личную жизнь фляков мешаться?! Она тебя трогает как-то? Или задевает?.. Вот так всегда у нас – народ без конца лезет не в свое дело. Я бы, пожалуй, даже норму некоторым слегка увеличил, чтобы времени меньше свободного было, вот так. А в управе если кто на следующий день оказывается – к нему вопросы: мол, не видел ли вечером странные объекты малого размера, перемещающиеся своим ходом наподобие колонны. Да кто признается, даже если и видел? – дураков-то нету...

Я переключил связь на запись и пошел себе умываться в одном исподнем, ну, в найке то есть. Не люблю, когда день со своими событиями вот так на тебя с утра обрушивается, без подготовки. Мало ли что у меня утром? – может процессы какие в мозгу, или еще что-то. Или может я, не чистив-

ши зубы, уже на утку накиннулся квашеную, браконьерскую. А тут связь.

И только вот это я подумал, как утки захотелось мне страсть как, даже скулы заныли. А что? Развлечений у нас немного – вон выгон, да ямы теперь с сомами, – так что ж удивительного, что хочется себя как-то побаловать? Это всё дело житейское, понятное. У кирасиров вон хоть кенгуру их имеются, аномалия природная, заели там уже всё подряд, как у нас сомы. И хоть оно у них от управы, охота то есть эта на кенгуру, – но всё равно интересно: дают коло-тушки особые, норму указывают, типа как за динаму засчитывается. Кенгуру, конечно, лягаются, и мужики, которых сразу не убило, лежат в поле долго, пока не помрут. Помогать им не приветствуется. Куда? Народу и так полно, зачем еще раненые? А и тут тоже управа придумала гуманный порядок: если возьмешь такого к себе и выходишь – тогда тебе премия: полгода можно динаму не крутить без штрафа. Хотя тоже когда как: ежели раненый после ранения остается колченогим или еще как-нибудь покалеченным – премия тогда меньше, в управе на это таблица имеется специальная: сколько за ногу калечную положено, сколько за руку. Клонов-вая водичка, которой в шахте пользуют, этим раненым никак не подходит. Во-первых там сразу резать надо, а во-вторых – чтоб стерильно. А какое в поле стерильно? – микроб на микробе! Да и вообще всё это кирасиров только касается, нашим туда примазываться не дозволяется.

Короче, спустился я в погреб, погрыз-пососал утятини и снова поднялся наверх – сообщение свое слушать, что мне по связи доставили.

Сообщение было совсем коротеньким: девочка велела набрать управу когда у меня будет время.

Та-а-ак, думаю. Не договорила наверное что-то про Книгу. Или про уток моих пронюхали. И тут же снова вспомнил, что и пронюхивать уже нечего, если я не только за утками, но и за речку таскался. Речка у нас, кстати сказать, без названия – все так и зовут ее Речка. Может, она и есть Кама? Кто ее знает?

Девочка соединилась сразу и даже вышла на экран.

– Здравствуйте, гражданин Степаныч, – начала она бодро и как бы по-заученному. – Мы всесторонне изучили ваши обстоятельства и считаем возможным сделать вам настоящее предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Приятно слышать... – отвечаю для вежливости.

– Специальный ящик для ваших записей вам уже доставлен...

– Так точно, – перебиваю я снова. Девочка на дисплее даже поморщилась.

– Ввиду вашей склонности к записям вам вменяется в обязанность ведение таковых записей перманентно, то есть

ежедневно и в значительном объеме, в связи с чем ваша норма выработки энергии снижается вдвое.

– Благодарим за доверие... – мычу я, еще не очень понимая, куда клонит управа. Но уже чую подвох и засаду.

– Это на первое время... – терпеливо поясняет девочка, дав мне договорить. – В дальнейшем, если ваши записи будут вполне соответствовать нашим пожеланиям, норма будет заменена вам писчей работой. Свои записи вы будете ежедневно вкладывать в ящик. Сбоку на нем имеется соответствующая прорезь.

– А если он... – опять тяну я. – А если он переполнится?

– Он не переполнится, – строго отвечает девочка. – Это не ваша забота. Писать ваши собственные мысли не надо. Будете писать о других: кто-где-когда... вы поняли? Никаких уток. Никаких речек. К гусарам и кирасирам ни ногой.

Хмурится девочка на экране, видимо недовольна...

– Три дня вам на то чтобы освоиться. Потом будут приняты меры – если не справитесь...

И всё, потух экран, и вместе с ним девочка.

Через пару минут после связи я отдышался, и тут меня вдруг как прорвало – к столу кинулся, схватил что под руку попало и принялся мысли свои записывать...

Строчил, строчил – как типа в бреду в каком-то... а потом чувствую: вроде как отпустило. Сажу у стола, глазами мигаю

и думаю себе этак неторопливо: что ж ты творишь, когда тебе только что четко сказали, о чем писать надо и о чем не надо.

А потом думаю себе: а кто ж нас проверит? Мысли свои для себя, а что там другие говорят-делают – про это в ящик. Ну что тут такого? Не то чтоб динама эта, ну норма то есть, так уж сильно меня напрягала – нет, слава Земле. Но располовинить ее – это конечно большое подспорье для хозяйства, тут и вычислять нечего. А про уток они всё равно теперь знают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.